

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.37>

Рябцев Сергей Викторович, Кириллов Павел Евгеньевич

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются мифологическое время и пространство как факторы институционального формообразования и воспроизводства. Отмечается, что социальный миф обеспечивает по отношению к институциональным формам жизни функции транзитивности и дополнения, обуславливает динамику устойчивых форм социальной жизни посредством актуализации вариативности временных и темпоральных переходов. Определяется роль фактора мифологического времени и пространства в конструировании актуальной социальной реальности. Вводится понятие мифологического метакода, позволяющего связывать время и пространство в перцептуальное целое. Делается вывод о концептуально-мифологическом пространстве-времени как основном факторе воспроизводства и поддержания институциональных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/37.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 189-193. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 115:316.3

Дата поступления рукописи: 09.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.37>

В статье анализируются мифологическое время и пространство как факторы институционального формообразования и воспроизводства. Отмечается, что социальный миф обеспечивает по отношению к институциональным формам жизни функции транзитивности и дополнения, обуславливает динамику устойчивых форм социальной жизни посредством актуализации вариативности временных и темпоральных переходов. Определяется роль фактора мифологического времени и пространства в конструировании актуальной социальной реальности. Вводится понятие мифологического метакода, позволяющего связывать время и пространство в перцептуальное целое. Делается вывод о концептуально-мифологическом пространстве-времени как основном факторе воспроизводства и поддержания институциональных отношений.

Ключевые слова и фразы: социальный миф; институт; перцептуальное время; концептуальное время; метакод; картина реальности; транспозитивность; структурация; непроективность.

Рябцев Сергей Викторович, к. филос. н., доцент
Кириллов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доцент
Государственный университет «Дубна», г. Дубна
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

В социальном и философском знании сохраняется проблема понимания процессов формирования реальности участниками отношений как на микро-, так и на макроуровне. Учитывая определенную устойчивость и воспроизводимость форм социальной жизни, необходимо обратиться к анализу процессов и состояний, приводящих социум к закономерному повторению импульсов существования и более или менее синхронной актуализации пространственных и временных конфигураций социального участия. Эти обстоятельства обуславливают исследование потенциала социального мифа и делают **актуальным** анализ его влияния на режим институционального воспроизводства.

В статье основные черты категорий времени и пространства сопоставляются с особенностями современного решения проблем многомерной социальной структуры и социального действия с целью выявления закономерностей и механизмов воспроизводства социума как на микро-, так и на макроуровне. **Целью и задачами** исследования становится определение потенциала социальной мифологии в понимании закономерностей воспроизводства социальных практик. **Научная новизна** исследования обусловлена постановкой проблемы влияния концептуального мифологического пространства-времени на перцептуально организованную институциональную реальность.

Если постоянная смена событийных рядов, изменение вещей и явлений образуют для участников отношений содержание, контент, формой существования и способом бытия которого становятся время и пространство-протяженность, то применительно к социальной теории сущность изменений возможно раскрыть посредством категорий типизации, структуры и структурации [2; 4]. Допустимо предположить, что каждая эпоха и конкретный социум обладают некоторыми особенностями, специфическим видением и объяснением реальности, собственными идеалами, концепциями жизни и стилем мышления. В основании такой актуальной реальности находится концепция времени и пространства, определяющая в каждом конкретном случае принципы, по которым организуется институциональная жизнь, будь то архаичные сообщества, циклически и ритуально обусловленные и, если так можно сказать, безразличные к движению во времени, или современные, претендующие на объективность научной методологии и непрерывность развития в линейном времени.

Ситуация современности осложняется интенсивным медийным воздействием, полностью замещающим рациональные и индивидуальные процедуры социального участия и структурации. Объективно-линейное время и пространство исключаются из деятельности субъекта и уже и призывают его к включению в тот или иной групповой или институциональный феномен. Идея упорядоченности и прозрачности мира для потребителя информации обусловлена уже особенностями методов управления и контроля коммуникации, где социальный миф уже не вполне позволяет охватывать институциональное бытие, себя самого, собственное место в обществе и адекватные способы коммуникации в повседневности. Медийная избыточность уже не позволяет индивидам вдыхать жизнь «в эти дороги и маршруты, сети и тропы с помощью рассказов, “населяет” их мифологическими существами, гениями, благосклонными к враждебным духам, которые воспринимаются как конкретные формы бытия» [10, с. 127]. Иными словами, претензия на мифологическую стройность, гомогенность с понятной социальной иерархичностью и фрагментацией осуществляется без временного плана и пространственного проекта. Вместо единства возникают изоляты со множеством разрозненных пространств с наслоениями и институциональной неопределенностью, локальными группировками, застрявшими в собственном пространстве-времени [10].

Можно отметить ситуацию деградации логики и распада смыслового единства в медийно сконструированной и изотропной картине социальной реальности. Принципиальное размывание традиционных институциональных

иерархий, непроективность информационного пространства с вкраплением эпизодов, не связанных с событийным смыслом, не позволяют пользователям медиа комфортно проводить декодирование смыслов. Контингентные операции в условиях размывания универсальных понятий и постоянного принудительного архивирования информации на высоких частотах с максимальной детализацией затруднены, что эмоционально может выглядеть как переживание чрезмерности, бессмысленности, неуместности. Объективно обусловленная в силу доминирования медиа потеря мифологической синкретичности восприятия, которая в нормативном случае позволяла бы участнику социальных отношений «распознавать» реальность, различать начало, середину и завершение пути, создает проблемную ситуацию как для управляющей, так и для управляемых подсистем общества.

Пространственно-временное согласование институализированных позиций социальных акторов разных уровней и масштабов требует учета фактора мифологической целостности и непротиворечивости, анализа в этой связи императивно-атрибутивных состояний сознания участников институализированных отношений, принудительно погруженных в интерпретативную неопределенность.

Конечно же, социальное пространство и время можно препарировать различным образом. Структурная антропология выводит нас в знаковые системы, семантические поля и кодировки [9]. Социологизм Э. Дюркгейма предоставляет возможность оперировать социальными фактами с учетом морфологии социума [7; 8], а концепция социальных пространств П. Бурдьё позволяет оценивать соотношение социальных позиций [2].

На социальный характер пространства и времени указывают также А. Лефевр, П. Бергер, Т. Лукман, М. Мерло-Понти, Э. Гидденс и Ю. Лотман [1; 4; 10; 12; 15]. В условиях нарастания информационной энтропии, связанных с доминированием медиа потоков происходят деструктивные процессы в восприятии участниками отношений социальной реальности. Объективно обусловленная фрагментарность и дискретность социального пространства-времени редуцирует комфортную линейность бытия к чувственному восприятию, а упорядочивающие возможности социального мифа настойчиво требуют возврата к когнитивному синкретизму и понимания нами посреднических и коммуникативных возможностей мифа в создании социального бытия.

Вопросы сущности мифа, его социального воспроизводства, возникновения и функционирования освещены в трудах Э. Кассирера, Я. Э. Голосовкера, Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева и М. Элиаде, Дж. Серла [5; 8; 11; 13; 14; 17; 18]. Отметим в представленных исследованиях пространственно-временную проблематику и возможности мифомышления оперировать реальными, эмпирическими данными, перцептуальным и концептуальным пространством и временем. Э. Кассирер отмечает, говоря о мифологических образах: «Речь идет о самостоятельном способе формообразования как специфической активности сознания, отличной от какой бы то ни было данности непосредственного ощущения и восприятия» [8, с. 40]. И, если перцептуальное, «реальное» институционально оформленное время и пространство позволяют пользователю фиксировать смену текущих состояний и обстоятельств социальной жизни, то знакомство его и включенность в миф уже позволяют упорядочивать идеализированные события. В этом смысле мифомышление открывает доступ к более глубоким и масштабным контингентным операциям и включает актора в концептуальное пространство-время с возможностями узнавания абстрактных хроногеометрических и топологических моделей. Тогда сознание, по словам Э. Кассирера, «больше не нуждается в том, чтобы на него воздействовало частное как таковое в его непосредственной данности» [Там же, с. 43].

Мифосознание позволяет поддерживать и воспроизводить конкретно-чувственное содержание групповых и институциональных форм жизни и включать их в смысловые комплексы на уровне концептов-понятий. Конечно же, мы полагаем, что у субъекта социальных отношений всегда есть некоторое пространство, которое надлежит обустроить и упорядочивать. Благодаря априорно данным формам восприятия пространственно-временного фона актор может преодолевать хаотизированный набор ощущений и переводить сырые априорные формы в упорядоченное восприятие целостных объектов-институций.

При этом, как отмечает в феноменологической концепции М. Мерло-Понти, мифологизированное сознание открыто для всего спектра возможных объективаций, и миф, как бы он ни был расплывчат, имеет все же различимый, перцептуально схватываемый смысл [15]. В мифе обнаруживается необходимая для формирования целостной и непротиворечивой картины социального та «тотальность, в которой каждый элемент имеет различные смысловые отношения с другими элементами» [Там же, с. 376]. Возможности мифа функционировать на концептуальном уровне сознания предоставляют участникам институциональных форм жизни инструмент адаптации перцептуальной длительности, чувства времени к физическому, наличному пространству. Подобные абстрактные потенции мифического бессознательного обеспечивают и изменчивость, линейное движение, переживание реально наблюдаемых изменений с адаптацией к ужасу от перемен. Здесь субъект социальной жизни «организует перед собой свободное пространство, где-то, что не существует естественно» [Там же, с. 152].

Таким образом, социальный миф обеспечивает принципиально важную для воспроизводства социальных отношений задачу поддержания преемственности, выполняя функцию маркирования, распознавания событий и созидательной проекции, посредством которой акторы могли бы обуздать медийную непроективность и избыточность. «Удержание», схватывание помещенного в мифологическую упорядоченность явления позволяет преодолевать отравляющий существование хаос неопределенности, дотраивать, воспроизводить модели социального взаимодействия в пространстве реальности. Более того, при наличии пространственно-временной организации воспроизводимого мифа, любыми «возникающими» явлениями и обстоятельствами можно концептуально пренебречь, не считаться и безболезненно утратить без ущерба для устойчивости институции. Например, идея, концепт здоровья, телесного благополучия, инкорпорированный в институт

здравоохранения, не воплощен субстанционально в материальном пространстве и конкретном времени. Собственно говоря, материальная проекция существует лишь в функциональности, а несущий концепт – в абсолютном и мифологическом абстрактном времени.

Главным тезисом настоящей статьи является утверждение о том, что социальные отношения в их структурной проявленности есть производимый тип реальности, существующий в форме институализированных сфер и слоев, причем все они локализируются и артикулируются во времени и пространстве особого мифологического типа. И, если в физическом пространстве-времени актору предоставлены материальные объекты, попросту говоря, вещи в их разнообразии, то в концептуально-мифологическом он получает доступ к дополнительной реальности, к некоторым моделям целых классов и пластов, не только реальных, но и возможно мыслимых, ситуативно воплощаемых в формах перцептуальных связей и отношений, институций.

Мифологическая дополнительность позволяет пользователю максимально быстро погружаться в события, в начало и возвращаться к известной благодаря мифу практике после длительных перерывов или даже забвения. Если учесть, следуя П. Бергеру и Т. Лукману, что темпоральность – свойство сознания, которое всегда упорядочено во времени, то для уточнения режима институциональных превращений и их детализации нам следовало бы «проанализировать уровни интерсубъективной темпоральности и значительно расширить рамки данных пролегомен» [1, с. 21-22]. Учитывая и то, что «предмет мифологический субстанционален и пребывает в пространстве» и, «будучи пространствен, он может обладать осязаемым, объемным телом, он может также обладать только имагинативной, но неосязаемой формой тела», мы отмечаем фактор мифологизированного отображения существующей социальной реальности на концептуальном уровне [5, с. 200]. Иначе говоря, институализированные формы жизни можно интерпретировать как объективированный фон, развертывание в пространстве и времени концептуальной мифологической модели, где социальные формы жизни выступают в качестве феноменального, проявленного пространства [1]. Если принять тезис Е. М. Мелетинского о структурных возможностях мифомышления, то в институциональных формах социальной жизни мы можем обнаружить трехчастную их природу [13; 14]. Перцептуальное, реально-физическое и концептуальное время и пространство мифологически предопределенного социального института является производной относительно самостоятельной концептуальной статичности мифа, в которой «форма не разбита на гомогенные элементы и все отношения покоятся на первоначальном тождестве» [14, с. 50].

Дело в том, что специфика пространственно-временных отношений в устойчивых формах социальной жизни непосредственно связана с фактором структурности, который мы можем понимать в качестве системы отношений между элементами, как способ и характер, закон связи между ними. При этом элементы, какой бы природой они ни обладали, раскрывают нам свои свойства, значимые стороны и особенности в рамках конкретных социальных структур. Например, индивид может реализовывать группу своих качеств через структуру профессиональных отношений, другой – семейно-брачных, третий – религиозных или политических. Таким образом, индивид или социальная группа, включенная в институциональную деятельность, входит в каждый структурный элемент лишь формально-концептуальной совокупностью своих качеств, а видимое в реально-физическом пространстве многообразие свойств определяется концептуально-мифологическим потенциалом разнообразия способов связей с разнообразными элементами.

Подобную концептуальность мифа в диалектике его превращений отмечает А. Ф. Лосев, утверждая, что миф есть «реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений», а также отрешенность. Возведение интуитивно-биологических как изолированных, так абстрактно выделенных вещей в «одно неразрывное, органически сросшееся единство» [11, с. 48].

Полагая институциональные формы социальной жизни универсальным механизмом перцептуального создания элементных и структурных отношений, отметим концептуальные возможности мифологического пространства-времени в создании новых структур и актуализации систем отношений в реальном, наблюдаемом пространстве и времени. Легко заметить в этой связи и постоянное возникновение в общественном сознании элементов, не имеющих аналогов в реальности известного нам прошлого и настоящего. В режиме мифологической дополнительности функционирования институализированного пространства-времени, таким образом, возникают эффекты сжатия и растяжения времени, деформации наблюдаемого пространства с вкраплением эпизодов и мест, ранее с социальной реальностью не связанных. Социальный миф, обеспечивая определенную свободу в интерпретации участникам отношений действительности и давая возможность выстраивать комфортную картину действительности, предоставляет и потенциал транспозитивности. При наличии наблюдаемых в реальности четких разграничений между элементами различной социальной включенности, он обеспечивает потенциал трансформаций и определенную свободу интерпретаций реальности. И тогда мы обнаруживаем в перцептуальном пространстве-времени движение, столь необходимое для обеспечения адаптивного по сути процесса формирования социальных отношений. Подобное мифологическое «длание», в отличие от проявленного физического времени и пространства, обеспечивает возможность постоянства изменений без развития и сущностных изменений. Говоря словами В. И. Вернадского, «пространство яснейшим образом перестает быть неподвижным пространством геометрии. Оно становится неустойчивым, динамическим, текучим пространством» [3, с. 539].

В мифологически обустроенном институциональном времени совершенно уместно могут сосуществовать и вчера-сегодня-завтра, и элементы реальной действительности, и прошлый групповой или индивидуальный опыт, извлекаемый из концептуальной определенности мифа, а равно и самые фантастические картины бытия. Вся совокупность социальной жизни, наличная и потенциальная, помещается в мифологическом

длении, ибо «в нем есть вчера-сегодня-завтра. Оно все как целое, этим вчера-сегодня-завтра всеобъемлюще проникнуто» [Там же, с. 535]. Поэтому в предсуществующем мифологическом пространстве-времени уже вложены необходимые концептуальные репрезентации, а институциональные формы жизни сохраняются и воспроизводятся, претерпевая изменения, и «эта подспудная преемственность характерна не только для пространственной реальности, но и для репрезентаций» [10, с. 227]. Элементы отношений благодаря эффективной мифологической концептуальности перемешиваются и сочетаются друг с другом самым неожиданным образом, и в силу отмечаемого А. Ф. Лосевым «сгущения времени», его растяжения и неравномерности порождают целые системы отношений, социальные структуры [11, с. 60]. Именно содержание в мифе потенциала отношений, не наблюдаемых явно, и широкие возможности перекомбинации элементов социальной жизни делают возможным формирование структур вследствие того, что «время, как и пространство, имеет складки и прорывы» [12, с. 66].

Социальные мифы, говоря словами Э. Гидденса, «познавательны опосредуют экзистенциальное противоречие», а социальная структура «существует только как памятные следы, органическая основа человеческой осведомленности и проявляет себя в действии» [4, с. 501]. Здесь преодолевается противоречие необратимости линейного времени, дискретной структуры восприятия действительности, организуется согласование поведенческих практик и смысловые предпосылки устойчивого взаимодействия.

Локализованная социальная память и индивидуальный опыт участника отношений дают возможность понимания и переработки информации в актуальной действительности, тогда как мифологическая память содержит абстрактное ядро институционально разделяемого знания [16]. Учитывая фактор возрастающего медийного давления в современном обществе и, как следствие, хаотизацию представлений участников отношений, отметим, что в обществе «высокой современности», по словам Э. Гидденса, возрастает роль абстрактных систем архивирования и декодирования информации [4]. В таком случае возрастает динамическая и когнитивная роль мифологии, своеобразного метакода, позволяющего связывать время и пространства в перцептуальное целое. Следуя структуралистским установкам М. Элиаде, указывающего на мифологически организованную семиотику пространства, отметим в этой связи, что этот код кодов позволяет обеспечивать «развитие» социальных структур с подстановкой реальных объектов, локаций, а также самых обычных их образов и отражений в новые системы отношений [17].

Отметим и значение пространственно-временной организации мифа в преодолении деструктивной для устойчивости институциональной системы рутинизации и статической изоморфности объектов. Обеспечивая «пространство мечты», мифологии предоставляют пользователям социального значительную вариативность с введением новых персонажей, вводом неестественных обстоятельств и акцентированием отдельных черт персоналий. Горизонт притязаний актора, таким образом, расширяется, и контекст эксформативности адаптируется к внерациональным пространственно-временным, мифологическим компетенциям субъекта отношений. Подобную роль мифологии отмечает М. Элиаде, заявляя, что, благодаря ему «понятия реальности, значимости, трансцендентности постепенно обнаруживают свою суть», а мир понимается как «в совершенстве организованный, разумный и значимый Космос» [Там же, с. 161].

Таким образом, отмечаем следующие важные для целей исследования обстоятельства.

Во-первых, социальный миф как универсальная модель организации индивидуальной идентичности и социальной реальности в целом предоставляет равноуровневым и разномасштабным акторам возможность организовывать смыслы и поддерживать когнитивные компетенции на уровне, необходимом для функционирования группового и институционального опыта и обеспечения непрерывности социального времени и пространства.

Во-вторых, важнейшим качеством социальной мифологии по отношению к устойчивым формам социальной жизни является транзитивность, обеспечивающая динамику переходов, дополнение медийно разделенной реальности и связывание посредством актуализации фактора времени разделенных и часто разнородных элементов через вариативность временных и темпоральных переходов.

В-третьих, ситуация информационной неопределенности и хаоса смыслов в современном типе общества непосредственно связана с проблемой перцептуальности и концептуальности пространства-времени, где анализ потенциала социальной мифологии может приблизить нас к раскрытию механизма воспроизводства институциональных отношений с учетом мифологизированного конструирования самых разнообразных свойств, смыслов и отношений.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. 288 с.
3. Вернадский В. И. Проблема времени в современной науке // Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение математических и естественных наук. 1932. № 4. С. 511-541.
4. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
5. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. 159 с.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии. М.: Канон, 1998. 347 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык. 272 с.
9. Леви-Строс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.

10. Лефевр А. Производство пространства. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 604 с.
16. Тен А. Ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
18. Searle J. R. The Construction of Social Reality. N. Y.: First Free Press Edition, 1995. 247 p.

MYTHOLOGICAL TIME AND SPACE AS FACTORS OF INSTITUTIONAL FORM-GENERATION AND REPRODUCTION

Ryabtsev Sergei Viktorovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kirillov Pavel Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dubna International University, Dubna
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

The article analyses mythological time and space as factors of institutional form-generation and reproduction. It is shown that social myth ensures transitivity and expansion of institutional life forms, determines dynamics of the stable forms of social life actualizing the variability of temporal shifts. The paper identifies the role of mythological time and space while constructing actual social reality. The authors introduce a conception of a mythological meta-code, which binds together time and space into perceptual whole. The conclusion is made that conceptual-mythological space-time is a basic factor of reproduction and maintenance of institutional relations.

Key words and phrases: social myth; institution; perceptual time; conceptual time; meta-code; picture of reality; transpositivity; structuration; non-projectivity.

УДК 1; 001:165:172

Дата поступления рукописи: 12.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.38>

В статье выявлены эпистемологические причины этической индифферентности или нагруженности науки, заложенные в исторических особенностях понимания истины, субъекта и объекта научной деятельности. Выстроенная в логике целерациональности классическая модель внесоциального субъекта познания не допускала в науку мораль в качестве регулятора межчеловеческих отношений. С учетом современного понимания истины как коммуникативности и интерсубъективности впервые введен концепт «этнос герменевтики», призванный стать наряду с «культурой рациональности» одним из базовых принципов этоса науки. Выдвинута идея необходимости конституирования этической эпистемологии как раздела социальной эпистемологии.

Ключевые слова и фразы: моральное измерение; этика; наука; социальный институт; рациональность; эпистемология; культура; этос герменевтики.

Сайкина Гузель Кабировна, д. филос. н., доцент
Краснов Антон Сергеевич, к. филос. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
gusels@rambler.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ МОРАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ НАУКИ: ОТ ЭТИЧЕСКОЙ ИНДИФФЕРЕНТНОСТИ К ЭТОСУ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Введение

В одном из интервью Сергей Капица, рассуждая о советской науке, сравнил ее функционирование с варкой в скороварке. Когда варка осуществляется под закрытой крышкой, – это происходит интенсивно, но при открытии крышки все выплескивается наружу. Однако ведь выплескиваться может с силой, опасной для всех. Данная аналогия верно отражает черты «закрытой рациональности» (В. С. Швырев [9]). Возможно, истины легче достичь при закрытом способе, обособленно от других социальных институтов и форм культуры. Но наука не может быть стерильной; вне общества и культуры она теряет свой смысл существования.

Выплеск науки в культуру в глобальном масштабе обернулся техноцентризмом, дегуманизирующим человека и культуру. Человек (и вне науки, и внутри нее) становится механичным, роботообразным. Расширение его искусственных органов привело к упрощению самого мышления, к его инструментальности, заключающейся в потребительском отношении ко всему как к средству решения проблем – вне ценностного уровня осмысления.